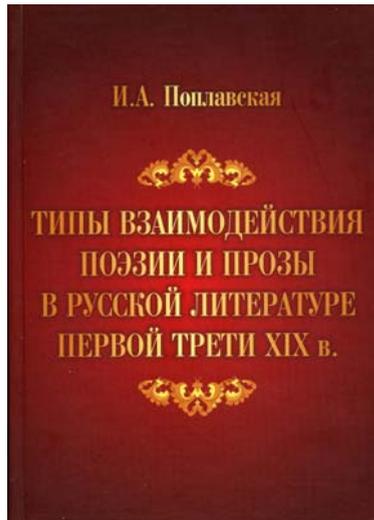

DOI 10.17223/19986645/23/14

Поплавская И.А. Типы взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX века. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 387 с.

В монографии представлена парадигма значений поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX в., которая анализируется как многоуровневая система. Основу этой системы составляет понимание поэзии и прозы как двух типов художественного мышления, двух типов речевой организации и многообразных жанрово-стилевых форм их проявления. В работе впервые выделены и описаны устойчивые типы взаимодействия поэзии и прозы в творчестве В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя: метатекстовая интеграция, межтекстовая интерференция, гипертекстуальное образование, межтекстовый параллелизм, синтез поэзии и прозы, прозиметрия, поэтическая центрация.

Для преподавателей вузов, аспирантов и студентов, а также для всех интересующихся историей русской литературы XIX в.

Вопрос о соотношении двух типов художественного языка – стиха и прозы – принадлежит к числу главных теоретических и историко-литературных проблем в нашей науке. Как известно, глобальным теоретическим открытием в этой сфере стала работа Ю.Н. Тынянова «Проблема стихотворного языка». Известный филолог разделил признаки стихотворной речи на первичные и вторичные. К последним относятся размер, рифма, строфа, тогда как главным разграничителем выступает особый способ деления речи, включающий принципиально новые единицы, которые могут не совпадать с обычным синтагматическим членением.

Открытие Ю.Н. Тынянова поставило целый ряд новых вопросов, ответы на которые могли быть даны только в результате исследований конкретного материала. В этом контексте научная новизна монографии И.А. Поплавской представляется важной в двух измерениях: во-первых, автору удалось выявить основные типы взаимодействия стиха и прозы (синхронный ряд), во-вторых, показать, как с помощью этих оппозиций формировалась жанровая система поэзии и прозы в первые три-четыре десятилетия XIX в. (диахронный срез). И.А. Поплавская впервые в филологической науке дает описание репрезентативных для определенного исторического периода моделей и механизмов взаимодействия поэзии и прозы в границах 1808 (приход В.А. Жуковского в «Вестник Европы») и 1842 г. (1-й том «Мертвых душ») как «особых типов художественного мышления, формирующих автоцентрическую и логоцентрическую эстетические модели мира», выделяя при этом такие критерии, как особенности художественного образа и слова в поэзии и прозе, категории автора, героя, читателя, жанрово-стилевые тенденции.

Наиболее сильной стороной исследования И.А. Поплавской является абсолютная целостность изложения, связывающая все пять глав исследования.

Безупречность композиции работы позволяет привести к общему знаменателю и базовые теоретические фрагменты, и конкретно-исторические моменты, и глубокий анализ представленных текстов. Так, уже в первой главе широко, полно и убедительно представлена динамика восприятия поэзии и прозы в русской теоретико-литературной мысли XVIII – первой трети XIX в., когда у первых теоретиков М.В. Ломоносова, В.С. Подшивалова, И.С. Рижского складываются две основные тенденции в понимании различий поэзии и прозы как речевой, с одной стороны, и жанрово-стилевой формы – с другой. Справедливо в этой связи подчеркивается новаторская природа «Общей риторики» Н.Ф. Кошанского, в которой утверждается двучленная (стихи – периоды) и трехчленная (стихи – периоды – проза) система противопоставления поэзии (стихов) и прозы, основанная на способе соединения мыслей и выражения их.

В большой мере успех последующих четырех глав был предreshen четким описанием теоретической основы, обусловившей логику четырех гениев русской литературы – В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Н.В. Гоголя, которые стали основными героями монографии И.А. Поплавской. Во второй главе автор книги рассматривает соотношение поэзии и прозы в поэтике Жуковского, подчеркивая при этом роль двух источников в формировании метатекстовой стратегии российского писателя – общей теории романтизма, с неременной идеей синтеза как отдельных видов искусств, так и жанров и стилей внутри одного из ведущих видов – словесности, и позицией журнала «Вестник Европы», редактором которого в 1808–1810 гг. был Жуковский. И.А. Поплавская абсолютно верно подчеркивает роль массовой литературы в формировании коммуникативных стратегий журнала, особый прием пересечения кода имени и кода события в «Вестнике Европы», благодаря чему возникает несколько продуктивных сюжетов, среди которых можно выделить «наполеоновский» и «александровский» сюжеты, роль фатических кодов. Эти и другие наблюдения в значительной степени помогают понять механизм соотношения стиха и прозы в начале XVIII в.

И.А. Поплавская проявляет в своем исследовании незаурядное мастерство аналитика. В частности, параграф второй главы посвящен межтекстовой интерпретации поэзии и прозы в «Марьиной роще» В.А. Жуковского и А.И. Мещевского. Именно принцип удвоения в двух системах художественного языка вызывает стихотворный парафраз «Марьиной рощи» у Мещевского, причем без учета элегического стиля стихотворений Жуковского такое событие вряд ли могло бы состояться.

Детальное изучение соотношений прозы и поэзии в системе творчества Жуковского становится в книге И.А. Поплавской фоном, на котором разворачивается исследование аналогичных процессов у Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Таким образом, в центре третьей главы оказывается анализ романа в стихах «Евгений Онегин» и «Повестей Белкина» как двух полюсов поэтики Пушкина. Так, при анализе первого произведения сделано немало важных и интересных наблюдений и экспликаций. К числу их, вне всякого сомнения, можно отнести указание на многофункциональность авторской позиции, совмещающей в предисловии функции читателя, критика и комментатора романа, истолкование первой главы «Евгения Онегина» как динамической мо-

дели целого, анализ трансформации прозаической отповеди Онегина Татьяне и механизма ее вмонтированности в онегинскую строфу.

Гораздо больше места уделено рассмотрению художественной структуры «Повестей Белкина». Начиная с анализа эпитафии, автор работы обнаруживает прием множественной перекодировки и показывает его развитие в процессе текстопорождения у Пушкина. Особенно хотелось бы выделить рассмотрение метельного сюжета в «Повестях Белкина». «Параллельное описание метели, – справедливо замечает исследователь, – в эпитафии, повести, стихотворениях «Зимний вечер», «Бесы», а позднее и в «Капитанской дочке» позволяет рассматривать метельный сюжет Жуковского – Пушкина как разновидность «природного текста» в русской литературе 1810–1830 гг.»

В основу сюжета четвертой главы положена динамика взаимодействия поэзии и прозы в творчестве Лермонтова. Центральным пунктом этой главы становится тезис о диалоге коммуникации и автокоммуникации как основе лермонтовской поэтики, поскольку именно в отношении к другому «я» чаще всего достигается тождество героя самому себе, поэтому другое «я» как объект изображения, познания и самопознания, как носитель своей системы ценностей становится обязательным участником в творчестве поэта. Действительно, конфликт себя Другого, о котором писал Ж. Лакан, становится едва ли не главной чертой модели мира анализируемого автора. В этом плане нам представляется весьма значимым обращение к письмам Лермонтова, формирующим автобиографический миф, а через него и поиски прозиметрии как средства сбалансировать исконную противоположность прозы и стиха.

Высоким качеством анализа отличается и разбор прозы Лермонтова с точки зрения ее внутренней близости к поэзии. Здесь в качестве новаторских наблюдений стоит отметить поэтику светотени в «Вадиме», роль вкрапленных стихотворных цитат Пушкина в «Княгине Лиговской» и, конечно, впервые замеченную исследовательницей действенную функцию героев-рассказчиков в «Герое нашего времени», когда персонажи переживают события дважды: вначале как субъекты действия, а затем как субъекты воспоминания и рассказывания. Такая двойственная функция героев-рассказчиков приводит к неизбежному эстетическому «напряжению» между поступками героев и самой ситуацией рассказывания (письма). Эти и многие другие не менее значимые рассуждения автора позволяют прийти к выводу о соответствии ритмической и пространственно-временной организации лермонтовской прозы его лирическим текстам, а отсюда и о гомогенности лермонтовской прозиметрии.

Заключительная глава работы, связанная с этапами взаимодействия прозы и поэзии в творчестве Гоголя, пожалуй, в наибольшей степени актуализирует диахронный аспект заявленной темы всего исследования. В ней само понятие коммуникативной стратегии рассматривается как постоянное измерение по мере перехода творчества Гоголя от одного цикла рассказов и повестей к другому вплоть до первого тома «Мертвых душ». Автор монографии сумела связать основные типы рассказчиков в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» с ориентацией на разные типы слова: книжное, устно-поэтическое, бытовое, благодаря чему и оформляется сложная логоцентрическая структура всего сборника.

В «Миргороде» предметом внимания исследователя оказывается соотношение метонимического и метафорического дискурсов, и здесь, вслед за

Р.О. Якобсоном, автору удается показать специфическое соотношение двух речевых систем.

Следует сказать об одной особенности, характеризующей манеру письма самого автора монографии. Зафиксировав внимание на одной детали, она разворачивает её и настолько органично вписывает в структуру целого, что при всем желании обнаружить разрыв между теорией и аналитикой оказывается невозможным. Ср.: «Так, оспины на лице Акакия Акакиевича, который, как известно, был «несколько рябоват», вызывают целый ряд вещных ассоциаций, к которым можно отнести и заплаты на его шинели, и пуговицы, оторвавшиеся от его панталон, и гроши, регулярно откладываемые «со всякого истраченного рубля», и бумажки, которые молодые чиновники сыпали ему на голову». Так в одном предложении И.А. Поплавской удается вскрыть художественный смысл «Шинели», особенности ее метонимического дискурса.

При анализе поэмы «Мертвые души» автор работы достаточно убедительно вскрыла механизм поэтической центрации, нашла интересные параллели с «Божественной комедией», показала, как фрагменты с повышенной семантической маркированностью трансформируются в сквозные сюжеты и варьирующиеся фабульные ситуации. Благодаря этим и многим другим приемам, описанным в заключительном фрагменте, И.А. Поплавская делает принципиально важный вывод о том, что позиция автора в силу его избыточной вневходимости эстетически восполняет завершенность героя, обнажая его внутренний, духовный потенциал.

Таким образом, объективное рассмотрение научного труда И.А. Поплавской позволяет говорить о том, что перед нами фундаментальное научное исследование, органически соединившее важные теоретические открытия в проблеме соотношения двух кодов художественного языка с новаторским анализом художественных явлений первой трети XIX в.

Ю.В. Шатин,

д-р филол. наук,

профессор кафедры русской литературы и теории литературы
Новосибирского государственного педагогического университета

E-mail: shatin08@rambler.ru